

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МАЙ

15

1939 г.

ПОНЕДЕЛЬНИК

№ 27 (806)

Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

«Антоша Чехонте»

А. РАГОЗИН

В одной из своих критических статей Короленко заметил: «Реальная личность писателя, художника, артиста, — редко совпадает с тем представлением, какое мы составляем по их произведениям».

Быть может, самое обманчивое представление о личности писателя дает творчество Чехова.

Его произведения кажутся предельно прозрачными и ясными. Настроения, мысли и чувства писателя представляются совершенно очевидными. Читатель, не знакомый с воспоминаниями друзей Чехова и с его письмами, будет убежден, что духовный облик писателя напечатан элементарно простое и непосредственное выражение в его творчестве.

Между тем субъективность чеховского творчества обманчива. В отличие от современников Чехова, мы знаем, что внутренний мир писателя отразился в его произведениях не в чистой непосредственной форме, а очень сложными, дважды и трижды опосредствованными путями.

Повесть А. Роскина «Антоша Чехонте», помещенная в № 12 «Красной нови», представляет собой удачную и интересную работу, подводящую нас к самому сокровенному в духовном облике писателя. Автор только вскользь касается в ней особенностей творческого метода Чехова и намеренно ограничивает свою тему формированием мироощущения писателя. Иначе, разумеется, и не может быть в повести, рассказывающей о годах детства и юности Чехова.

Но «Антоша Чехонте», повидимому, лишь начало большой биографической повести. И судя по опубликованным главам, судя по привлеченному автором материалу, мы вправе предположить, что «Антоша Чехонте» современем вырастет в большое произведение, воспроизводящее не только различные эпизоды жизни писателя, но раскрывающее средствами искусства его внутренний мир и художественный метод. Уже сейчас, останавливаясь только на формировании мироощущения писателя, на впечатлениях и идеях, накопленных в первую половину его жизни, Роскин показывает истоки настроений, художественных вкусов и поэтического восприятия жизни, которые определили впоследствии основной характер чеховского творчества.

Текстуально некоторые главы повести А. Роскина очень близки к биографическому очерку, написанному им для детиздатовского одноклассника произведений Чехова. Это не значит, однако, что «Антоша Чехонте» представляет собой лишь расширенный биографический очерк.

Дело даже не в том, что, добавляя крупные эпизоды и мелкие детали, замечая косвенную речь прямой и вводя описания, автор оживил изложение, придал ему картинность и наглядность. Такая внешняя беллетризация очерка несомненно удалась ему. Повесть читается с интересом, вызываемым не только вниманием читателя к Чехову, но и умелым рассказом, обнаруживающим художественный вкус автора. Некоторые эпизоды, например, история продажи чеховского домика жильцу Гаврилу Парфентичу, звучат, как мастерски рассказанные новеллы.

Но основное достоинство повести все же не в этом. Повесть интересна и значительна тем, что Роскин сумел воссоздать живой и одухотворенный образ писателя.

Для того, чтобы раскрыть внутренний мир писателя, недостаточно знать историю создания его произведений, окружавшую его среду, события его личной жизни. Все это лишь исходные моменты для более или менее правдивых или остроумных гипотетических построений. Гораздо важнее другое — отношение писателя к окружающему миру, впечатления, накопленные им от встреч с различными людьми, от происходивших на его глазах или в его жизни событий.

Ранние впечатления Чехова тем более интересны для нас, что он сам бесконечно дорожил ими и не расходовал их на рассказы и фельетоны начала восьмидесятых годов. В 1886 г. он признавался Григо-

ровичу: «Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал».

Вот такие ранние впечатления писателя, образы и картины, на всю жизнь сохранившиеся для него свое поэтическое обаяние, проходят через всю повесть Роскина и одушевляют созданный им образ. Роскин очень осторожно заимствует их и из переписки писателя, и из мемуарной литературы, и из отдельных его произведений, где автобиографические моменты можно считать бесспорно установленными.

В повести фигурируют персонажи, знакомые нам по тем или иным произведениям Чехова. Таков Моисей Моисеич из «Степи», таков грек Дымба из «Свадьбы» (в повести он носит свою настоящую фамилию — Стамати), таков Фирс из «Вишневого сада» (товар Степан в доме Дросси) и многие другие. Некоторые главы повести почти целиком построены на материале, разбросанном в чеховских рассказах. Таковы, например, главы, рассказывающие о прогулках и поездках в степь, о быте таганрогских обывателей.

В художественном произведении биографического жанра трудно не прибегнуть к интуиции там, где недостает нужного материала. Назвав свою работу повестью, Роскин тем самым оговорил свое право на художественную интуицию. Это право, однако, осталось почти неиспользованным. Автор не позволил себе прибегнуть к вымыслу во всем, что имеет хоть сколько-нибудь существенное значение для знакомства читателя с жизнью и творчеством Чехова. Не только узловые и первостепенные эпизоды, не только прямая речь всех персонажей, но даже второстепенные детали и подробности могут быть безупречно документированы.

Если автор рассказывает, что в те дни, когда отец Чехова уезжал по своим делам, «никто не произносил поучительным голосом знакомых слов, вроде того, что «деньги счет любят» или «копейка рубль бережет», — мы знаем, что здесь использованы следующие строки из «Моей жизни»: «у нас в доме часто повторяли: деньги счет любят, копейка рубль бережет». Когда Роскин пишет: «Бедность мучила Чехова, как зубная боль», мы знаем, что именно этими словами сам Чехов характеризовал свою нужду. Когда Роскин рассказывает, как редактор «Будильника» Курепин прятался от своих сотрудников, не желая платить гонорар, то весь диалог, без малейших изменений, он заимствует у Лазарева-Грузинского. Даже описания природы навеяны у Роскина мотивами чеховского творчества.

Тщательный отбор материала, его достоверность и точность свидетельствуют о большом такте и правильно понятой ответственности писателя. Нелепое и вздорное сочинительство становится особенно отвратительным, когда оно проникает в жанр художественной биографии и вульгаризует образы дорогих нам людей. В повести Роскина нет и следа такой развязности. Каждая глава, буквально каждая страница этой повести дышит уважением к Чехову, совершенно несовместимым с каким бы то ни было безответственным сочинительством.

Скорее Роскина можно упрекнуть в чрезмерной осторожности при использовании источников, в слишком щепетильном, порой даже педантичном отношении к собранному материалу.

В повести недостаточно развернут, например, такой существенный момент, как начало литературной деятельности Чехова. О первых его литературных опытах автор вскользь упоминает по следующему поводу: «В доме Дросси ставились и пьесы,

сочиненные Чеховым. То были спенки и обозрения таганрогской жизни, в которых зрители часто узнавали самих себя». Это не более, как беглое упоминание. А разве не очевидно, что появление первых импульсов к литературному творчеству должно занимать в биографии любого писателя одно из центральных мест.

Не упоминая в нескольких последующих главах о дальнейших литературных опытах Чехова, автор внезапно сообщает нам: «Ведь он уже много сочинял. В жаркие летние дни, лежа в саду под своей смоковницей, он придумывал сказку в стихах про какого-то Савраску. У Дросси разыгрывали его пьесы. Автор юмористической лекции о сотворении мира был он сам. В гимназическом журнале «Досуг» он поместил два рассказа и едкое четверостишие на инспектора Дьяконова. Для своего журнала он придумал замечательное название «Заика»».

Снова дана информация. «Ведь он уже много сочинял!» А читателю хотелось бы знать, как он сочинял, что побуждало его сочинять, что влекло его к юмору. Не располагая необходимыми материалами, Роскин оставляет эти вопросы без ответа. Между тем, характер дошедших до нас ранних литературных опытов Чехова и отрицательное отношение его ко всему серому, провинциальному быту дает достаточно оснований показать начало литературного творчества Чехова, как естественную реакцию на босность обретающей его жизни.

В повести почти не освещено и отношение молодого Чехова к политическим вопросам, волновавшим его современников.

Но Роскину удалось самое главное, удалось создать привлекательный образ талантливого юноши, благородного в своих стремлениях, честного в своих поступках, страдающего от окружающей его дикости и пошлости жизни. Ему удалось ввести читателя во внутренний мир юного Чехова и показать, как гармонично сочетались в нем пылкий интерес и вкус к жизни с трезвой иронией и поэтическим строем души. Ему удалось ввести нас в круг переживаний, настроений, идей и эмоций писателя, которые помогают нам глубже и органичнее понимать не только раннее, но и зрелое его творчество.

«Антоша Чехонте» — не беллетризованный биографический очерк, а умная, правдиво написанная повесть, заслуживающая внимания и высокой оценки читателя.